

БРИГАДИР

Меня сжигала пламенная страсть – освоить все рабочие специальности в гараже. Больше всего я любил водить машины и мечтал стать шофером. Но водительские права можно было получить только через два года, после исполнения восемнадцати лет. Другие специальности мне тоже нравились. Завгар частенько гонял меня от агрегатчиков, мотористов или карбюраторщиков. Он то и дело заставлял меня в инструментальной мастерской, где токарь Сашка разрешал мне работать на токарном станке. Чаще всего завгар обнаруживал меня в кузнице. Зимой это было самое теплое место в гараже, и я прибегал туда греть у горна посиневшие на морозе руки. Искусство нашего кузнеца меня завораживало. Вынув из горна раскаленную заготовку, он обрабатывал ее на наковальне несколькими точными ударами. Казалось, что красный кусок металла сам по себе приобретает нужную форму. Я всегда помогал кузнецу. Он даже предлагал мне перейти к нему в ученики и хлопотал за меня у директора. Но оказалось, что в кузнечном цехе по штату положен только один кузнец. Еще мне очень нравилась электросварка, и завгар бесился, обнаружив под защитным щитком сварщика мою счастливую физиономию. В красильном цеху на мойке и в столярной мастерской я был своим человеком, и мне всегда разрешали немного поработать. Однажды завгара чуть не хватил удар, когда он увидел меня, вылезавшего из водосточного люка с деловым видом. Чтобы охладить мой пыл, завгар нагружал меня самой тяжелой и неинтересной работой. Ремонт на улице всегда доставался мне. Летом это даже приятно, а вот зимой, лежа под машиной на снегу, когда пальцы примерзали к металлу, это действительно снижало мой оптимизм, но не намного. Я объявил завгару, что, работая на улице, имею полное право греться в кузнице. Теперь, увидев меня у горна, завгар лишь сердито бубнил: «Ну-ну!»

Начальник автоколонны решил отделить малолеток от взрослых слесарей, которые часто злоупотребляли спиртным. Неожиданно для всех он объявил о создании комсомольско-молодежной бригады. Самая потрясающая новость была в том, что меня вдруг назначили бригадиром. Начальство не смутило даже то обстоятельство, что я единственный в бригаде не был комсомольцем и к тому же имел лишь первый разряд автослесаря, тогда как все остальные ребята второй. В мое подчинение передали всех малолеток и выделили для работы уютный бокс на две ремонтные канавы. Так я стал третьим Бугром в дневной смене. Правда, почему-то неофициально, без всякой доплаты за бригадирство, а «на общественных началах». Но я был рад и такому варианту.

Мы тут же притащили в свой бокс металлический контейнер для инструмента и навесили на него два массивных замка. Узнав, что нас объединяют в комсомольско-молодежную бригаду, ребята разворовали гаечные ключи в своих бригадах и в моем сейфе сосредоточился слесарный инструмент всего автопарка. Это чуть не парализовало ремонтные работы. Меня вызывал директор и приказал вернуть все похищенные инструменты на место. В виде компенсации нам выдали со склада два новых больших комплекта слесарных инструментов. Завгар был недоволен моим назначением, но спорить с директором не посмел.

Теперь каждое утро я, как бригадир, приходил к завгару до начала работы на оперативное заседание. Он передавал мне заявки и распоряжался по поводу очередности ремонта машин.

Работа в нашей бригаде пошла споро. Мы стремились доказать взрослым слесарям, что нас не зря разделили. Производительность труда у нас возросла раза в два. Молодые водители стремились попасть на ремонт именно к нам, так как мы не брали мзду и не тянули с работой.

Однако завгару высокие темпы ремонтных работ в нашей бригаде пришлось не по душе. Получалось, что он просто хреновый руководитель. И завгар стал выдавать нам наряды на ремонт только таких машин, где большой квалификации не требовалось, но времени и труда тратилась уйма. Когда я на планерке заикнулся о несправедливом распределении нарядов по бригадам, завгар усмехнулся мне прямо в лицо:

– А вы механизировать труд в своей бригаде и смелее внедряйте рационализаторские предложения рабочих.

Баба Шура затрясся в беззвучном смехе, умиляясь остроумию завгара, и даже бригадиры угодливо заржали. Я вышел из конторки как оплеванный с двумя нарядами на замену обоймы подвесного подшипника на ГАЗ-51. Это была самая дурная работа. Обойма крепилась к траверсу – поперечной балке в раме, двумя мощными заклепками. Сварщики отказывались срезать их газом из-за близости бензобака, так как машина могла загореться. Срубить эти заклепки под машиной было просто мучение. Молотком как следует не замахнуть, и после каждого удара в глаза и за шиворот обильно сыпалась грязь. В принципе такие заклепки можно было срезать ручным электрическим наждаком. Когда я сказал об этом завгару, он только криво усмехнулся и процедил сквозь зубы:

– Иди, работай зубилом... умник.

И мы срубали две заклепки часа за четыре. Такая работа нас просто унижала. Мы стали выпускать по две – три машины в день. Завгар, конечно, докладывал директору о явном снижении темпов работ и предлагал расформировать нашу бригаду. Эти слухи доходили и до нас. Наконец, мы с Журкиным нашли выход и догадались срубить заклепки не под машиной, а сбоку длинным зубилом. Здесь можно было прилично размахнуться и ударить кувалдой. В кузнице я сам отковал и закалил метровое зубило. Но во время удара вибрация длинного металлического стержня больно била по рукам. Тогда на верхнюю часть зубила натянули кусок резинового шланга для амортизации. И вот мы с Журкиным стали срубить заклепки траверса подвесного подшипника нашим новым зубилом. Журкин сидел на корточках, засунув голову между кабиной и дополнительным бензобаком, так как только оттуда можно было увидеть толстую заклепку и точно поставить на нее лезвие зубила. Большой кувалдой с полного маха я бил по запячнику зубила, торчащего в десяти сантиметрах от левого уха Журкина. Волнение парня было вполне понятно: стоило мне промахнуться один раз, и я попал бы ему по голове. Он со страхом оглядывался на меня.

– Журкин, – успокаивал я напарника, – не бойся, я не промахнусь. Смотри на заклепку и не верти башкой, твоя испуганная физиономия меня только отвлекает.

Пять ударов Журкин выдержал, но на шестом, когда я размахнулся и остановиться было уже невозможно, он вдруг обернулся, увидел летящую прямо на его голову кувалду и... засранец, убрал в сторону зубило.

Кувалда, провалившись в пустоту, увлекла меня за собой под машину. Я врезался головой прямо в бензобак! От моего крика задрожали стекла. На минуту из головы вылетели все плохие слова, зато когда они вернулись, я высказал их Журкину в полном объеме.

И все же мы научились срубать две заклепки за пятнадцать минут. На планерке я попросил завгара, чтобы все машины с заменой обоймы подвесного подшипника направляли в нашу бригаду.

– С удовольствием, – ухмыльнулся завгар.

К сожалению, в тот день была одна машина с таким ремонтом. Через час я выгнал грузовик из бокса и демонстративно проехал перед конторкой завгара, якобы проверяя тормоза. Завгар и бригадиры были потрясены.

На другой день было уже две машины с заменой обоймы подвесного подшипника. Мы загнали их в бокс, и я срубил одну заклепку с пяти мощных ударов. Не успели мы приступить ко второй заклепке, как разведка донесла, что к нам в бокс направляется завгар. Все бросились по местам. Я спрятал длинное зубило. Вася принялся, не спеша, срубать вторую заклепку. Завгар вошел в бокс и самолично залез под машину. Маленький Вася, стоя на деревянном ящике, встретил его радушной глуповатой улыбкой. Завгар убедился, что слесарь работает простым коротким зубилом. На краю заклепки появилась тонкая светлая полоска разрубленного металла. Начальник собрался было уходить, но вдруг увидел, что вторая заклепка срублена. От удивления завгар не смог произнести даже свое любимое «ну, ну» и молча прошел во вторую канаву. У Журкина обе заклепки были лишь надрублены. Когда завгар выходил, Журкин успел несколько раз стукнуть молотком по раме машины, так что грязь засыпалась начальству за шиворот. Отряхнув с пыжиковой шапки пыль, недовольный завгар вышел из бокса

В четыре удара мы срубили заклепку на машине Журкина, потом полчаса сидели и курили, постукивая молотками по рельсу канавы, чтобы начальству было слышно, как мы работаем. Вскоре нас опять посетил завгар. Он залез под машину. Вася стоял на деревянном ящике и, не спеша, тюкал молотком по зубилу. Увидев еще одну срубленную заклепку, завгар обалдел. Маленький Вася приветливо улыбнулся начальству щербатым ртом. Как только завгар вышел, мы с Журкиным срубили две оставшиеся заклепки. Вставить на место заклепок два болта с контргайками – минутное дело. Завгар беседовал с Бабой Шурой напротив ворот нашего бокса. У него на лбу было написано намерение еще раз проверить нашу работу и раскрыть секрет. Тут створки ворот одновременно распахнулись и из бокса выехали две отремонтированные машины. У завгара изо рта чуть не вывалилась папироса.

Начальник вызвал меня к себе в конторку.

– Как это вам удастся так быстро срубать заклепки? – спросил он.

– Мы применили метод разделения труда: один зачищает заклепку, второй надрубает, а третий срубает, – охотно пояснил я.

– И кто же так шустро срубает, Журкин что ли? Он у вас самый здоровый.

– Нет, Журкин лишь надрубает край заклепки, а срубает их Вася. Это только с виду он кажется хилым. На самом же деле Вася крепкий, как молоток, если, конечно, его с утра хорошо накормить.

Завгар с механиком терпеливо выслушали мою болтовню.

– Ну, ну! – с сарказмом изрек Баба Шура, подражая завгару.

Как только завгар ни пытался вызнать наш секрет. По его указке за нами следили водители тех машин, которые становились к нам на ремонт. Но мы всегда находили повод отвлечь наблюдателей на пять минут и за это время срубали заклепки. Когда водитель возвращался в бокс, Васе оставалось лишь методично стучать молотком по раме машины в течение часа.

Наши машины погрузили на железнодорожные платформы, и эшелоны отправились на целину. Гараж опустел. Работы стало мало, иногда за целый день на ремонт приходила одна машина. Мы привели в порядок бокс, вставили выбитые стекла, покрасили стены.

Завгара бесило отсутствие ремонтных работ, и он каждый день изобретал для нас разные дополнительные занятия. Наконец он придумал самую идиотскую работу. Около забора лежала целая гора старых карданных валов, предназначенных на металлолом. И Му-Му приказал нам перенести эту кучу на другое место к противоположному забору. Я хотел взять для перевозки старый самосвал, но завгар запретил брать машину и распорядился, чтобы мы таскали железо вручную. С неохотой мы стали переносить тяжелые карданные валы. Ребята роптали и заявляли, что они не грузчики, а квалифицированные автослесари и не желают заниматься ерундой. Мы отработали до обеда. Я носил карданы на пару с Журкиным. В один момент он вдруг бросил кардан первый без всякого предупреждения, так что мне защемило руку. Я отправился в конторку к завгару, чтобы йодом из аптечки дезинфицировать рану. Му-Му сидел за столом и сладко спал, сложив голову на руки. В самом этом факте не было ничего страшного. Я и сам часто не высыпался, особенно летом, когда, собравшись кодлой в садике на скамейке, мы горланили песни до трех часов ночи. Спать на работе надо было уметь, и у меня был разработан свой метод. Напросившись на «лежачую работу» на улице, я укладывался под машину на деревянный настил, специальной петлей связывал поднятые вверх руки над карданом и спокойно засыпал в тени и прохладе. Со стороны было видно, что я работаю. Как только кто-нибудь проходил мимо, я почти автоматически стучал по кардану зажатым в руке гаечным ключом.

Завгар храпел, как настоящий богатырь. Такая идиллическая картина меня вовсе не обрадовала. Мы, как идиоты, таскаем металлолом с места на место, а этот хмырь нахально спит. Я немедленно выкрошил из сигареты табак и аккуратно подсыпал его под самый нос начальству. Завгар одним вдохом набрал в нос табачной пыли и так смачно чихнул, что чуть не ударился головой об стол.

– Будьте здоровы! – скромно произнес я.

– Чего тебе? – спросил завгар, недовольный тем, что какой-то щенок застучал его спящим. И снова чихнул несколько раз подряд.

– В моей бригаде все хоть и малолетки, но квалифицированные автослесари, а не грузчики. Эту дурную работу мы больше делать не будем.

– Молчать! – вдруг крикнул завгар, чихнул и треснул кулаком по грязному письменному столу. – Идите и работайте.

– Мы пойдем работать, но не металлолом с места на место перетаскивать, а ремонтировать наш бокс, – заявил я, и вышел из конторки.

Этот поступок мне даром не прошел. Завгар написал докладную директору. За то, что я ослушался приказа и нагрубил начальству, меня сняли с бригадиров и перевели в инструментальную мастерскую клепать накладку на тормозные колодки.